

4. Тобольск и вся Сибирь. — Тобольск : Возрождение Тобольска, 2007. — 312 с.
5. Чехов А. П. Русские писатели о Сибири / А. П. Чехов // Из Сибири / сост., предисл., примеч. В. К. Гайдука. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. — 416 с.

Информация об авторе

Егоров Александр Владимирович — кандидат философских наук, кафедра философии и социальных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, e-mail: egorov_sacha2015@mail.ru.

Author

Egorov Alexander Vladimirovich — PhD in Philosophical Sciences, Chair of Philosophy and Sociology, Irkutsk State Transport University, 15, Chernyshevsky Str., 664047, Irkutsk, e-mail: egorov_sacha2015@mail.ru.

УДК 378(47)
ББК 74.58(2)

Ю.А. ЗУЛЯР

ЧТО ЕСТЬ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ РОССИИ: ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС

Анализируются история, этапы и модели высшего образования в России. Показана сложная ситуация с ним, возникшая из-за бездумной политики российских властей спровоцировавших в 1990-е гг. резкое увеличение количества вузов и их статус. Дана характеристика современного состояния российской высшей школы и ее студенчества. Показана политика и идеология Правительства России в отношении высшей школы в постсоветский и современный периоды.

Ключевые слова: высшая школа России, реформирование и модернизация высшего образования, Болонский процесс в России, студенчество.

YU.A. ZULYAR

WHAT IS HIGHER EDUCATION FOR RUSSIA: THAT IS THE QUESTION

Examines the history, stages and models of higher education in Russia. Demonstrates a complex situation with him, caused by the reckless policy of the Russian authorities provoked in the 1990s, a sharp increase in the number of universities and their status. The characteristic of the modern state of Russian higher school and its students. The politics and ideology of the Russian Government regarding higher education in post-Soviet and modern periods.

Keywords: higher school of Russia, the reform and upgrade of higher education, the Bologna process in Russia, the students.

Наличие высшего образования является обязательной принадлежностью современного государства, а тем более претендующего на статус развитого. Вместе с тем, руководство любой страны имеет по отношению к университетам на разных исторических периодах различную идеологическую концепцию и в соответствии с ней проводит соответствующую политику. Данная работа представляет собой попытку осмыслить идеологию и политику руководства России по отношению к высшей школе в постсоветский и современный периоды.

Государственные мотивы в использовании университетов отражаются в тезисах официальной идеологии. Социолог М. Соколов [7], выделяет четыре идеологии, которые в разные моменты доминировали в истории российского высшего образования. Первая — сугубо *технократическая*, требующая от образования обеспечения прироста ВВП, обороноспособности и независимости от технологических ресурсов наиболее вероятного военного противника.

Следующая идеология — *социально-инженеристская*, в ее рамках университет нужен в первую очередь для размывания границ между социальными классами. Третья идеология — сугубо *гуманитарная*. Ее концепция: все люди обладают правом на удовлетворение этой потребности в высшем образовании.

И, наконец, *презентационная* идеология. Согласно ей, высшее образование существует для обозначения или создания национального фасада, обращенного к внешнему миру, для демонстрации. Оно показывает, что мы на уровне, что у нас замечательное высшее образование, что мы конкурентоспособны, обеспечивая тем самым легитимность режима. Вхождение в международные рейтинги в качестве главной стратегической задачи развития высшего образования в России — это как раз пример из данной области.

Анализ истории и современности мирового высшего образования свидетельствует: идеологическая составляющая образовательных доктрин не имеет определенной связи с видом правовой системы общества, но имеет непосредственное отношение к политическому режиму, господствующему в стране [4].

Российские университеты возникли как ответвление столичной бюрократии. Исторически первой идеологией поддержки науки в России была чисто презентационная. Затем пришла эра элитарного университета. А в конце XIX в. элитарность административная дополнилась технократической. При этом политический контроль за российскими вузами — это постоянная российская практика, проходящая через всю нашу историю.

С приходом к власти большевиков обозначились два подхода: хозяйственно-научный и социальной инженерии. Уже в 1930-е гг. социальная инженерия отошла на второй план, а после войны трансформирова-

лась в функцию политической и культурной социализации «строителей коммунизма».

В перестроечно-реформационной России отсутствовала внятная политика по отношению к высшему образованию. В законодательных актах и преамбулах к законам того периода присутствовало разногласие мнений и подходов, и преобладала гуманистическая риторика реализации потребностей личности, заменившая технократическую парадигму. Открывались те специальности, на которые имелся спрос, а главным аргументом выступал конкурс. Появилось огромное количество неконтролируемых негосударственных вузов.

Отказ от технократической идеологии был вынужденной мерой нищего государства. Финансирование им высшего образования катастрофически снизилось. Правительство было согласно на все, лишь бы молодежь не выходила на улицу. Если им хотелось высшего образования, государство было согласно с тем, чтобы они его получали, по любой специальности, особенно за свой счет.

Реформирование системы образования началось с середины 1990-х гг., т.е. идет уже два десятка лет и конца этому не видно. Все ее дальнейшие преобразования называются и будут называться модернизацией.

С середины 1990-х г. с подачи Минобразования начался взрывообразный процесс переименования институтов в университеты. Также были созданы по существу неограниченные возможности по открытию филиалов и негосударственных вузов. В итоге мы получили более 3 тыс. вузов, из них 400 университетов. Хотя серьезные аналитики предупреждали, что от этого упадет уровень высшего образования. Скоро всем стало ясно, что реформы были необдуманными, но виновные так и не нашлись. Стало ясно, что неизбежен откат к советской численности, как оптимальной.

И с середины нулевых годов началась реставрация технократического подхода, вызванная, тем, что у государства стало существенно больше денег. Появилось желание и возможности для проведения осмысленной политики в сфере высшего образования. В стране на этот момент от уровня 1991 г. произошло увеличение количества вузов почти в 3 раза и университетов более чем в 6 раз при уменьшении количества научных работников в 4 раза. Это привело к резкому падению среднего потенциала научных кадров и как следствие — к обрушению уровня и качества высшего образования. Упал международный рейтинг российского высшего образования.

К тому времени утвердилась идеологическая концепция, согласно которой высшее образование является едва ли не самым главным фактором развития общества «постсоветских» стран, которые якобы отстают от ведущих стран мира в экономическом и технологическом отношении в первую очередь из-за неэффективной системы образования.

Поэтому возобладала концепция, что нужно якобы лишь усовершенствовать эту систему, и тогда мы стремительно догоним эти страны и по всем остальным показателям.

Бесспорно, что развитие высшего образования — один из необходимых факторов развития общества в целом, но столь же бесспорно, по мнению В. Даренского, и то, что этот фактор далеко не единственный, а потому, если «не срабатывают» все остальные, то сам по себе он не только ничего не решает, но даже способен усугублять негативные процессы [2]. Однако, в нашей стране принято вместо системного подхода, использовать поиски «главного звена».

Россия находится на 65 месте по развитию человеческого потенциала в мире, тогда как в 1992 г. мы еще были на 34 месте. При этом в 2012 г. Международная организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) опубликовала данные «Взгляд на образование 2012», по которым Россия заняла первое место по числу людей с высшим образованием в определенных возрастных категориях — 54% россиян в возрасте от 25 до 64 лет [6].

Путеводной звездой для реформаторов российского образования стали доведенные до абсолюта идеи Болонского процесса. В качестве желаемых механизмов их достижения назывались уровневая подготовка, кредитная система оценки учебной нагрузки, совместимая система оценки качества образования, единое Европейское приложение к диплому, и пр. Для решения этой цели — перевода системы ВПО на болонскую модель, были определены следующие задачи: переход на уровневую систему ВПО (со ступенчатой!?!); переход на федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОСы) нового третьего поколения (с государственных образовательных стандартов второго поколения — ГОСов) [8].

Вместе с тем, как отмечают специалисты по образованию (и европейские, и российские), переход к двухуровневой системе образования с целью более быстрой и практически ориентированной подготовки кадров не приносит желаемого результата. Узкопрофессионально подготовленный бакалавр в современных условиях ускоряющегося в геометрической прогрессии «устаревания знаний и компетенций» оказывается не способен самостоятельно «переучиваться», а переквалифицировать его каждые два года за счет государства или бизнеса нереально и накладно [10, с. 50].

Переход от ступенчатой модели системы ВПО к уровневой не приносит ничего качественно нового в высшую школу, кроме дополнительных проблем. Поэтому реализацию реформы образования в части внедрения, так называемой, Болонской модели, по мнению В.А. Сухомлина, можно считать трагической страницей в истории отечественного высшего образования [8].

С усердием достойным лучшего применения, реформаторы делали свое дело. И, если говорить о тех целях, которые были связаны с приведением нашей образовательной системы к Болонской модели (кастрированной), то на текущий момент они практически достигнуты. Но, последствия такого перехода для российской высшей школы более чем значительные. По мнению В.А. Сухомлина, это:

- значительное сокращение числа специальностей (с 535 до 107), во многих случаях ущербное для качества подготовки выпускников;
- массовое сокращение объема и уровня профессиональной подготовки (замена пятилетнего обучения на четырехлетнее привело к тому, что учащиеся получают знаний на 20% меньше по сравнению с программами подготовки специалистов, причем в мире сейчас наблюдаются обратные тенденции; показано, что увеличение сроков обучения на один год ведет к увеличению ВВП на 5% и более;
- потеря значительной части объема образовательного контента и преподавательских технологий, накопленных национальной системой образования для специалитета (ценность этих накоплений никем не оценивалась, а она исключительно велика;
- существенное сокращение объема учебной нагрузки для преподавателей и ухудшение их материального положения;
- значительный ущерб для высокотехнологичных и наукоемких областей, включая ракетно-космические технологии, авионику, атомную энергетику, химическую промышленность, нанотехнологии и т.д., в которых бакалавры не востребованы.

Тяжелый осадок, по его мнению, оставляют и методы, которыми проводилась реформа. Об этом свидетельствуют факты:

- формирование системы высшего образования осуществлялось по инициативе «сверху» фактически без учета мнения педагогического сообщества;
- согласованной с профессиональным сообществом научно обоснованной концепции развития высшей школы предложено не было;
- «верхи» демонстрировали полную некомпетентность в том, за что взялись;
- открыто демонстрировалась неуважительность к имеющемуся в высшей школе заделу («образование у нас плохое»);
- открыто демонстрировалось пренебрежительное отношение к российский академической элите, к российской академии наук, которая иначе, как отжившая свой век богадельня чиновниками и не рассматривается;
- содержательная сторона реформируемого объекта выхолащивалась, навязывались заформализованные и бюрократические методы и формы работы;
- в реформу привносились конъюнктурность и рекламность, несущественное возносилось на главные позиции, а существенное игнорировалось или недооценивалось [8].

Кроме этого, изначально было понятно, что реформа в таком виде не только не приблизит Россию к экономически развитым государствам, а сделает это отставание катастрофическим. Если в силу сложившегося международного разделения труда, страна соответствует по своим характеристикам «третьему миру», то как бы она ни развивала систему образования, это не только не изменит ее положения, но скорее всего даже ухудшит его, поскольку, в силу общего «сырьевого» характера экономики, специалисты по высоким технологиям останутся просто невостребованными или же будут востребованы лишь в качестве эмигрантов в странах «золотого миллиарда», а средства, затраченные родиной (и ее государством) на их подготовку, по сути, будут просто украдены у налогоплательщика и выброшены на ветер.

Но еще важнее, по мнению В. Даренского, то, что «взрывообразный» рост сферы высшего образования в России происходил как раз не за счет подготовки специалистов по современным высоким технологиям (что соответствовало бы официальной концепции), — их доля в общем количестве студентов и качество подготовки как раз резко уменьшились по сравнению с советским периодом, — но за счет многократного бессмысленного увеличения доли специалистов для непромышленных сфер (управленческой, финансовой, сферы услуг, развлечений и т.п.), оказывающихся в большинстве своем невостребованными в реальной экономике [2].

Проведенное реформирование образования принесло ощутимые потери, в том числе и финансовые. По данным А. Фараносова, общие потери России от «утечки мозгов» составляют ежегодно около 3–4 млрд дол. Колоссальные расходы государство несет также при такой «внутренней» утечке мозгов, когда российский специалист живет в России, но работает на западные компании или по международным грантам. Потери от такого сотрудничества ежегодно составляют около 600–700 млн дол. в год [9].

После «болонского реформирования» наступил этап модернизации высшего образования. Ее идеология представляет смесь технократических и презентационистских элементов. Гуманистов сменили технократы, поставившие в центр внимания промышленность, и на гуманитарных специальностях стали срезать бюджетные места. Целью дальнейшего развития российского высшего образования стало наращивание международных рейтингов. Миссией реформы было провозглашено качество образования. Решению этой задачи все еще небогатому государству мешает количество вузов, преподавателей и студентов.

Решение этой задачи, лежит на поверхности — ликвидация вузов, не эффективных, с точки зрения реформаторов. При этом не обязательна физическая ликвидация, предпочтительней перевод вузов на региональное финансирование или хозрасчет. Отдельных интересных и перспек-

тивных исследователей можно поддерживать за счет грантовой системы. Число вузов, финансируемых из госбюджета ограничить 80–100 инновационными университетами и 400–500 институтами и академиями.

Самой актуальной задачей было объявлено формирование системы элитных университетов. Программа формирования группы элитных вузов продолжается. Еще в 2010 г. министр называл число вузов, которые сохранят за собой звание университета, — порядка 50. Всего же в стране около 400 университетов из 3700 вузов [8].

Элитные университеты — это лучшие вузы страны, которые будут либо находиться на госбюджетном финансировании, либо работать по госзаказу (для автономных образовательных учреждений). Таких вузов будет, вероятно, не более сотни и именно они будут определять уровень высшего образования в стране. Что станет с остальными, второсортными, вузами? — это вопрос министру. Судьба остальных неизвестна, может, их и вообще не будет, а может, из них сделают систему реализации какого-нибудь «прикладного бакалавриата» (взамен разгромленной системы среднего профессионального образования).

А теперь, по мнению проф. В.А. Сухомлина, под флагом модернизации образования запущен процесс формирования группы элитных университетов, ядра системы ВПО, которые будут исследовательскими и которых будет всего несколько десятков, а не сотен, как ныне. Фактически это не что иное, как возврат к хорошо забытому старому, как исправление допущенных ошибок [8].

Понятно, что в нынешних условиях, очевидно, что уровень образования и наличие дипломов в России мало связаны с уровнем доходов человека. В «постсоветском» социуме «полностью отсутствует положительная зависимость между качеством образования и личным успехом в жизни. Скорее наоборот, эта зависимость отрицательна. Личные связи и неразборчивость в средствах — основные способы для достижения успеха. Что касается образования, то нужны не знания, а справка об образовании, диплом, и не важно какой. По высказыванию В. Даренского, дипломированные неучи делают карьеру быстрее и успешнее, чем хорошо обученные профессионалы, именно потому, что кроме как «делать карьеру», они ничего и не умеют».

Поэтому, если исходить из исключительно меркантильных интересов, то настоящее высшее образование непосредственно необходимо сравнительно небольшой части населения, основная же его масса занята такими видами деятельности, которые не требуют не только высшего, но часто даже и среднего образования [2].

Первый удар был нанесен по педвузам. И это логично — это самое важное и самое слабое звено российского образования. Ежегодное увеличение бюджетных мест на педагогические специальности обосновывалось нехваткой сельских учителей — и это несмотря на то, что реаль-

ное количество выпускников педвузов, которые являются выходцами из сел, давно превышает их потребность в несколько раз.

В. Даренский объясняет этот парадокс тем, что сельская молодежь использует возможность получения высшего образования (часто льготного) именно для того, чтобы потом не возвращаться в село, оставаясь в городе на любой работе, даже и не требующей какой-либо серьезной квалификации. Тем самым, увеличение набора, якобы совершающееся для преодоления нехватки сельских учителей, на самом деле приводит к прямо противоположному результату [2].

В результате, на постоянную работу в школе остаются молодые учителя, прошедшие «тройной негативный отбор» — в педвузы идут не лучшие выпускники школ, в учителя идут не лучшие выпускники педвузов. А лучшие из тех, кто все-таки пришел в школы, бегут оттуда при первой же возможности. В результате слияния, укрупнения и перевода в филиалы столичных «педов», получилась следующая статистика: в 2008 г. было 70 педвузов, к 2012-му осталось 48, причем 30 из них Минобр признал неэффективными.

Концепция элитарности и исключительности высшего образования противоречит духу XXI в. Не может, по мнению А. Козырева, все образование быть инновационным, нельзя рассматривать приоритеты и перспективы образования, исходя из того, каков процент инноваций. Потому что, в конце концов, если образование превращается в гонку за этими инновациями, происходит разрушение той образовательной системы, которая существует, которая эффективна, и которая работает [5].

И, вскоре, реформаторы поняли, что можно остаться вообще без учителей. И, в политику по «педам» были внесены коррективы. Учитель — отдельная и очень непростая профессия и ей, как правило, нужно учить специально, а не в придачу к основной. Вместе с тем, серьезные аналитики считают, что лучшие в школу не идут по двум очевидным причинам: там мало платят — и не дают «свободно дышать». А людей с педагогическим образованием у нас на две страны хватит. Создай им достойные (нормальные) условия, и они придут (вернутся) в школу, в том числе и мужчины.

Следует максимально использовать потенциал уже обученных людей, а не бездумно обучать новые поколения. Происходящая прагматическая и ценностная девальвация высшего образования обусловлена не только его количественной избыточностью и низким качеством, но и резким падением базового уровня культуры у представителей «постсоветских» поколений.

По мнению В. Даренского, большинство студентов начала XXI в. фактически необучаемы на уровне вуза: их базовых культурных навыков в лучшем случае хватило бы для среднего специально образования. Усвоить программу ВУЗа они органически неспособны, даже если бы и приложили максимальные усилия. Этот факт отнюдь не является ано-

малией и представляет собой часть более общего цивилизационного явления, которое можно определить как вторичную варваризацию – утрату новейшими поколениями культурных навыков, еще недавно бывших совершенно естественными и само собою разумеющимися у их ближайших предков, часто не имевших вообще начального образования [2].

Возникает ситуация, еще недавно казавшаяся немыслимой, когда почти поголовное «высшее образование» сочетается с обвальная культурной деградацией. Главной причиной этой вторичной варваризации является формирование «потребительского общества», в котором стало избыточным все, что выходит за рамки индивидуалистического прагматизма.

А это, в первую очередь, базовые духовные ценности и культурные навыки, унаследованные от традиционного общества — такие, как понимание самоценности знания, стремление к расширению своего кругозора и выработке самостоятельного мировоззрения, что в свою очередь, обуславливало любовь к книгам и чтению и другие непрагматические интеллектуальные интересы [2].

Вторая волна — сокращения вузов, была проведена через рейтинговые технологии. Но сами показатели вызывают много вопросов с точки зрения не только вузовских специалистов, но и сторонних наблюдателей. В первом подходе, у более 100 вузов Москвы обнаружили признаки неэффективности.

По мнению член-корреспондента Российской академии образования О. Смолина, у Минобра проблемы инструментарием мониторинга. Например, индексы цитируемости (в частности, индекс Хирша) не всегда применимы для нас (на Западе больше цитируют тех, кто критикует Россию, чем тех, кто проводит объективное исследование). Но это меньшее зло по сравнению с другим критерием, который используется в России: по затратам на науку в рублях. Он считает, что это переворачивает элементарное представление теории управления. Обычно эффективность затрат измеряется результатами — здесь эффективность результата измеряется затратами.

Довольно спорным является и другой критерий: выделение 14 квадратных метров на студента (данные по Москве и Санкт-Петербургу). Это выглядит так: чем больше у вас пустых площадей — тем вы более эффективный вуз [6].

В настоящее время развивается третья волна — повышение зарплат преподавателей за счет сокращения их количества. Причем, одновременно снижают финансирование, не снимая требования повышения зарплаты преподавателей. Сегодня именно от способности руководства вузов выйти на плановые показатели средней зарплаты ППС зависит судьба учебного заведения.

Политика руководства страны по повышению эффективности системы высшего образования, посредством приведения количества вузов к целе-

сообразному минимуму, объективна. Но дело, это непопулярное, сложное и трудное. И, пока больших успехов в этой работе не видно [3, с. 55].

В. Даренский констатирует как факт, что система высшего образования в настоящее время функционирует в рамках двух прямо противоположных тенденций. Деструктивная — процессы антисоциализации молодежи, порождаемые коррупцией и имитацией образовательного процесса, тем самым, подрывающие основы трудовой этики и ответственного отношения к жизни у новых поколений. И, противостоящую ей конструктивную тенденцию, связанную с ценностным, прагматическим подходом к необходимости образования, которая движет той частью молодежи, которая видит смысл своей жизни в самосовершенствовании, служении Родине и жизни по совести [2].

Реформаторам противодействуют вузовские коллективы — интеллектуальная элита страны, региональные власти и родители школьников-выпускников. У всех своя правда и свои способы борьбы за нее, в ней могут все выиграть и все могут проиграть, в том числе и страна. Высшее образование — это технологии построения будущего. И оно, как система должно быть ориентировано не на удовлетворение сегодняшних потребностей, но будущих, обеспечивая тем самым создание процветающей страны.

Исходя сложившейся ситуации, А.Р. Бузанакова считает, что политика, направленная на сокращение числа вузов эффективна, но не справедлива [1, с. 312].

Сегодня, от исхода реформы высшего профессионально образования зависит судьба России. Но за текущей сложной социально-политической ситуацией это понятно немногим. Остается надеяться, что у российского правящего класса хватит для этого перспективного мышления, настойчивости и политической воли.

Список использованной литературы и источников

1. Бузанакова А. Р. Курс на сокращение числа вузов в современной России: шаг к справедливости или к эффективности? / А. Р. Бузанакова, С. Н. Паклина // Молодой ученый. — 2014. — № 7. — С. 310–313.
2. Даренский В. Ресурс развития или фактор деструктивности? [Электронный ресурс] / В. Даренский // Свободная мысль. — 2014. — № 5. — URL : <http://svom.info/entry/492-resurs-razvitiya-ili-faktor-destruktivnosti/>.
3. Зуляр Ю. А. Проблемы и тренды российского высшего образования, и их иркутские интерпретации / Ю. А. Зуляр // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — С. 47–57.
4. Кананыкина Е. С. Идеология и политика образования в современном политико-правовом пространстве [Электронный ресурс] / Е. С. Кананыкина // Юридическое образование и наука. — 2008. — № 1. — URL : <http://www.lawinrussia.ru/node/241223>.
5. Козырев А. «Воронки» из 1937 года // Государственная идеология и высшее образование [Электронный ресурс] / А. Козырев // Русский журнал. — URL : <http://www.russ.ru/pole/Gosudarstvennaya-ideologiya-i-vysshee-obrazovanie>.

6. Смолин О. Образование завтра: 10 поводов для разочарования [Электронный ресурс] / О. Смолин. — URL : <http://netreforme.org/tag/sokrashhenie-chisla-vuzov>.

7. Соколов М. Российский университет как политическая система [Электронный ресурс] // ПолитРу. — URL : <http://polit.ru/article/2014/03/29/university>.

8. Сухомлин В. А. Об итогах реформы высшей школы (размышления российского профессора) [Электронный ресурс] / В. А. Сухомлин. — М. : МАКС Пресс, 2010. — 48 с. — URL : http://lit.lib.ru/s/suhomlin_w_a/text_0040.shtml.

9. Фараносов А. Проблемы «утечки мозгов» из России [Электронный ресурс] / А. Фараносов // International Journal of Russian Studies. Issue 1 (2008/1). — URL : <http://www.radtr.net/dergi/sayi1/faranosov.htm>.

10. Центр Сулакшина. Почему сходные реформы высшего образования в России и Китае ведут к разным результатам? // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 12 (266). Политические науки. Востоковедение. — Вып. 12. — С. 48–55.

Информация об авторе

Зуляр Юрий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, декан, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: uzulyar@yandex.ru.

Author

Zulyar Yuriy Anatolievich — Doctor of Historical Sciences, Professor Dean, Historical Faculty, Irkutsk State University, 1, K. Marx st., 664003, Irkutsk, e-mail: uzulyar@yandex.ru.

УДК 94(571.5)
ББК 63.3(2Р54)

Л.В. КАЛЬМИНА

ВЕРХНЕУДИНСКАЯ ЯРМАРКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье анализируется роль ярмарки в формировании экономического «лица» Верхнеудинска и установлении внутри- и межгородских социокультурных связей.

Ключевые слова: ярмарка, торговые обороты, покупательная способность, Транссибирская магистраль, торговая специализация, связующее звено.

L.V. KALMINA

VERKHNEUDINSK FAIR AS SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

The article describes the role of the fair in Verkhneudinsk economic image development and its establishment in inner- and inter-towns socio-cultural relations.

Keywords: fair, trading circulation, purchasing power, Trans-Siberian Railway, trading specialization, connection.